

Алкоголь

ДЕНИС
СИВКОВ

Антропология космоса – это не просто приложение теоретической рамки, концептуального ряда и этнографических методов к освоению или изучению космоса в смысле антропологии «чего угодно» – биомедицины, инфраструктур, данных или умирания. Ключевой вызов, перед которым безвоздушное пространство ставит социальных исследователей, заключается в том, что космос принципиально опрокидывает обыденность и устойчивость всего земного. Будучи наиболее экстремальной средой из возможных – средой, в которой люди тем не менее пытаются существовать, – космос делает привычные земные вещи проблематичными. Выживание в экстремальных космических средах ставит под вопрос не только возможность дыхания или перемещения, но любые элементарные гравитационные практики – например, питание и секс. В пределе под вопросом оказывается возможность быть человеком вообще – и в биологическом, и в культурном смысле. Например, через несколько месяцев жизни на космической станции у космонавтов и астронавтов с подошв ног сходят мозоли и кожа становятся как у младенцев. При этом новый роговой слой появляется на верхней части стопы – в местах, где цепляются за скобы на стенах по периметру внутреннего интерьера станции, – например, во время трансляции, чтобы не вылететь из кадра. После возвращения на родную планету те, кто прожил на МКС некоторое время, проходят так называемую регравитацию: они заново учатся ходить, сидеть, какое-то время подошвы испытывают неприятные ощущения, пока снова не образуется роговое покрытие. В невесомости и других гравитационных средах изменения происходят в крови, костях, иных функциональных системах организма. Также в невесомости отсутствуют привычные для восприятия с земным притяжением верх и низ. В этом смысле базовая символическая разметка становится ситуативной – пол и потолок зависят от перспективы занимаемого в данный момент положения. Такое восприятие приводит к построению новой мультиперспективной эпистемологии, архитектуры и даже социальности.

Более того, само различие природного и культурного в космосе становится условным. Константин Циолковский в начале XX века обратил внимание на то, что в невесомости золото взвесить невозможно, так как весы работают только в условиях земного притяжения. Это потребовало бы либо

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

изобретения другого принципа измерения веса (в 1970-е советские космонавты стали взвешиваться, используя принцип колебания пружины), либо, например, возвращения к дарообмену, либо изобретения новой экономики, не привязанной к весу драгоценного металла. Что бы было определяющим в новой орбитальной экономике – микрогравитация, технические решения или культурная традиция с Земли, – однозначно сложно сказать.

Таким образом, жизнь на орбите и на поверхностях других планет релятивизирует и деконтекстуализирует земные условия. Гравитация, атмосфера на нашей планете перестают быть универсальной точкой отсчета для других сред. Земные условия и практики превращаются в один из бесчисленных возможных вариантов в масштабах Вселенной. В контексте исследований инфраструктур космос делает видимыми земные инфраструктуры и существенно усложняет инфраструктуры космические. Усложнение инфраструктур, как будет показано на примере доставки и потребления алкоголя, может также указать на «деланность» и комплексность земных гравитационных практик, которые в рутине кажутся естественными и совершенно незаметными.

Ключевой проблемой освоения и изучения космоса является проблема доступа – в первую очередь к эксклюзивному переживанию невесомости и видам из иллюминатора станции или космического корабля. Невесомость, вид на родную планету и небесные тела дарят космическому путешественнику так называемый эффект обзора – возвышенное или даже религиозное переживание – своего рода благоговение с социальными и политическим коннотациями. Пока в космосе, который, как считается, начинается в ста километрах от земной поверхности, побывали почти шестьсот человек – ничтожно малая доля всех желающих. Почти все из этих шести сотен – астронавты и космонавты, так или иначе представляющие интересы национальных государств.

Одно из направлений, оспаривающее национальные монополии на доступ в космос, – космический туризм. Коммерческие компании – такие, как «Virgin Galactic» и «Blue Origin», – разрабатывают и реализуют системы орбитального запуска. Преследуя не только техноутопические, но и коммерческие цели, космический туризм делает ставку на предоставление клиентам привычных земных услуг в новой обстановке. Это могут быть, например, изысканные кушанья типа икры и фуагра – но в тубиках. Очевидно, что туристы также захотят попробовать свои любимые напитки в орбитальных турах. Но как пить виски? Напиток же хочется потягивать, а не выдавливать из тубика.

Компании, выпускающие алкогольную продукцию, время от времени делают маркетинговые заявления о разработке специальных технологий производства и потребления напитков специально для космических сред. В 2015 году производитель виски «Ballantine's» и сообщество «Open Space Agency» разработали специальный космический стакан для виски (*Space Whiskey Glass*), который позволил бы сохранить некоторые земные привычки потребления алкоголя в невесомости, а именно – неторопливо потягивать напиток из бокала, а не из тюбика.

ДЕНИС СИВКОВ

АЛКОГОЛЬ

Выживание в экстремальных космических средах ставит под вопрос не только возможность дыхания или перемещения, но любые элементарные гравитационные практики. В пределе под вопросом оказывается возможность быть человеком вообще – и в биологическом, и в культурном смысле.

Space Whiskey Glass внешне напоминает обычный стакан, но устроен, почти как космический корабль. Согласно рекламным материалам компании, напиток наливается в резервуар из розового золота на дне пластиковой емкости. Золото должно нейтрализовать примеси от пластика. Стакан удобно помещается в руке, а отверстие в резервуаре точно подходит под стандартную бутылку «Ballantine's». Виски удерживается в резервуаре благодаря поверхностному натяжению, а капиллярный эффект направляет жидкость по спиралевидному каналу в мундштук, через который можно потягивать напиток. Мундштук тоже сделан из розового золота. Губы пьющего будут ощущать холодное прикосновение стекла. На дне бокала находится магнит, который позволит «ставить» стакан на специальные металлические подставки в космическом баре будущего. Резервуар и пластиковый стакан сделаны на 3D-принтере – именно эту технологию планируют использовать в колонизации космоса. «Ballantine's» даже придумал особенный купаж напитка – более пряный и сладкий – специально для невесомости, где, как считается, ощущения притупляются и все время хочется чего-то «вкусненького». Космический стакан, сочетающий технологические инновации, утопические ожидания и привычные ритуалы, можно рассматривать всего лишь как маркетинговый ход, но в то же время этот пример показывает возможное направление развития инфраструктур потребления алкоголя в космосе будущего.

Производители виски и других напитков пока только предвосхищают инфраструктуры космического будущего алкогольной продукции, в то время как существуют более или менее устоявшиеся практики доставки и потребления алкоголя на орбите. Авторы «разработок» – советские и российские космонавты, инженеры, технический персонал и группы поддержки. Источниками сведений об этих разработках являются дневники советских и российских космонавтов, которые они вели, когда находились на орбитальной станции. Эти дневники предлагается считать этнографическими источниками, в которых представлено насыщенное описание орбитальной повседневности, в том числе инфраструктур доставки и потребления алкоголя.

Важно отметить, что, конечно же, космонавты не «бухали» каждый день, а выпивали скорее символически «по рюмочке», отмечая различные события. Во-первых, это государственные праздники – Новый год или День Победы. Во-вторых, личные торжества – дни рождения и годовщины. В-третьих, они могли выпить после «бани» или после тяжелой работы – выхода в открытый космос. «Баня» – это специальный душ, который использовался на станциях «Салют» и «Мир». Также отмечали прилет на станцию и отбытие экипажей. Наконец, грустные события тоже дают повод выпить. Космонавт Валентин Лебедев рассказывал, что на одном из грузовых кораблей после разгрузки не оказалось писем от родных – их не успели или забыли положить. С горя космонавты выпили «по рюмочке». Всем другим напиткам космонавты предпочитали коньяк и нигде не объясняли, почему именно его. Можно предположить, что этот напиток ценится за пряный вкус, так как чувства на станции притупляются. Кроме того, коньяк в СССР всегда был элитарным напитком, а космонавты считались высшей кастой.

Но как доставить алкоголь на станцию, если официально он запрещен? Можно взять напиток с собой в личных вещах, которых никто не досматривал. Для этого нужно завесить собственный вес, так как количество топлива в ракете рассчитывается исходя из общего веса, в который включаются и тела космонавтов. За пару бутылок коньяка нужно было договориться с врачами, проводившими взвешивание, о паре лишних килограммов, в которые входили и фляжка коньяка. Космонавты часто проводят на станции полгода или больше. Для всех важных поводов пол-литра на одного человека мало, поэтому другой способ доставки – договориться с техническим персоналом и другими специалистами, чтобы спрятать спиртное на грузовом корабле «Прогресс», который отправлялся на станцию достаточно регулярно. Чтобы спрятать коньяк, можно залить его в тубики для еды. Важно потом найти и не перепутать эти тубики, или «тубы», как их называли космонавты.

Валентин Лебедев писал, что его напарник Анатолий Березовой придумал отличать спиртное среди остальных тюбиков наклейками из детского журнала «Мурзилка». На день рождения жены Березового также отложили вкусное – две пачки сублимированной клубники, три помидора и два яблока. Другую закуску взяли «из буфета» – консервы и тубы с едой.

Как и на земле, здесь иногда случаются ошибки: космонавты думают, что что-то еще осталось, а потом оказывается, что все уже выпили. Космонавт Виктор Савиных в дневнике описывает разочарование и обиду на коллегу по экипажу Владимира Коваленка, когда в День Победы коньяк должен был быть на борту, но фляжка оказалась пустой после Дня космонавтики.

На грузовых кораблях самое ценное обычно клали вниз – на дно, чтобы космонавты быстрее разгружали. Кроме посылок из дома и «запрещенки», там были письма от членов семьи и друзей. Часто «поверенные» космонавтов – из отряда или группы психологической поддержки – обсуждали в этих письмах настоящие и будущие поставки алкоголя. Космонавт Савиных приводит в дневнике письмо от космонавта Александра Сереброва, в котором последний сообщает, что «дозаправки» в виде «количества страниц» будет в этот раз меньше из-за дополнительного исследовательского оборудования и утяжеления корабля.

Кроме инфраструктур доставки на станцию, существуют гибридные инфраструктуры потребления алкоголя в состоянии микрогравитации. Известно, что крепкие напитки (коньяк, водку) в нашей стране привычно пить залпом, а не потягивать. В невесомости «опрокинуть бокал» не получится. Поэтому советские и российские космонавты изобретают способы залпового питья на орбите, задействуя разные технические приспособления и телесные навыки. Жидкость ведет себя в микрогравитации странно, превращаясь в пену внутри фляги или «прилипая» к стенкам резервуара. Соответственно, залповое питье совпадает с решением задачи по извлечению алкоголя из тары. Космонавт Георгий Гречко писал в мемуарах, что часть коньяка осталась во фляжке в виде пены и его нельзя было извлечь из сосуда. Его коллеги по станции придумали следующее. Космонавт брал флягу за горлышко в рот и поднимался к «потолку» станции. Другой несильно бил его по голове. Космонавт летел вниз, а жидкость поднималась наверх.

Когда «в гости» к Лебедеву и Березовому на станцию «Салют-7» прилетел экипаж в составе космонавтов Александра Сереброва, Леонида Попова и Светланы Савицкой, то они экспериментировали с практиками выпивания коньяка залпом. Попов брал флягу в рот, потом подпрыгивал и резко приседал. Получалась залповая порция коньяка, которую космонавты

называли «один бульк». При этом у Попова часто капля коньяка повисала на носу, щипала нос, и космонавт морщился. Серебров изобрел другой – незалповый – способ. Он опускал ложку во флягу и тянул жидкость, используя свойство ее смачиваемости.

Читая об этих вызовах, я придумал свой вариант телесного инфраструктурного обеспечения. Если бы мне пришлось когда-нибудь оказаться в невесомости со спиртным, я выдавил бы из емкости спиртной пузырь нужного объема на высоте человеческого роста, присел бы под него, открыл рот и резко выпрыгнул вверх, заглатывая спиртное залпом.